

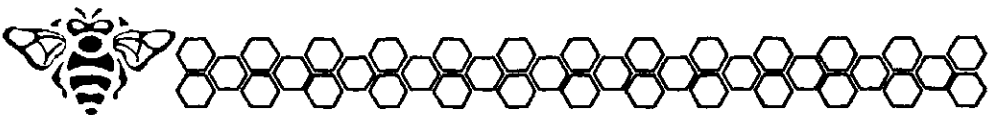

В. Г. ГАК

ЯЗЫКОВЫЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

STUDIA PHILOLOGICA

В. Г. Гак

ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1998

ББК 81.031
Г 12

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16117

Гак В. Г.

Г 12 Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с., 1 ил.

ISBN 5-7859-0063-7

В монографии исследуются проблемы языковых преобразований, выявляются причины, формы и сферы их применения в языке. Показывается их универсальность и вместе с тем применимость в разных сферах языковой структуры и аспектах языковой реализации. В связи с основной задачей рассматриваются детали проблемы организации высказывания, теории номинации, вариативности, симметрии/асимметрии в языке и другие общелингвистические вопросы.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0063-7

9 785785 900639 >

© В. Г. Гак, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	9
------------------	---

ЧАСТЬ I НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Глава I. О плюрализме в лингвистических теориях.....	13
Подтверждения	
А. Пластичность человеческого мышления.....	32
1. Онтологические и прагматические логические классы.....	32
2. Несимметричная анафора и местоименный перебой.....	40
Б. Многоаспектность объекта.....	43
1. Истина и люди.....	44
2. Судьба и мудрость.....	52
Глава II. Логическое исчисление в лингвистике.....	62
Приложения	
1. Фонетические преобразования.....	63
2. Морфологические типы.....	64
3. Типы синтаксической связи.....	68
4. Порядок слов во французском языке.....	71
5. Об исчислении лексико-синтаксических синонимов. Выражение локальных отношений.....	76
6. Поле неопределенноличности.....	84
7. Исчисление языковых форм при сопоставлении. Глагольные времена во французском и русском языках.....	99
8. Исчисление теоретических решений.....	101
Глава III. Использование идеи симметрии/асимметрии в лингвистике	106
Приложения	
1. Предикативные отношения в свете языковой асимметрии.....	125
2. Фразеологические единицы в свете асимметрии языкового знака.....	137
3. Асимметрия в социолингвистике.....	138
4. Асимметрия в лингвострановедении.....	139
5. Компенсация асимметрии. Вид в русском языке.....	151
Глава IV. Языкознание и другие науки. Язык, орудие и товар.....	162
Глава V. Функциональный подход к явлениям языка.....	179
1. К типологии функциональных подходов к изучению языка....	179
2. Семантическая структура языковой единицы и типология функций.....	190

ЧАСТЬ II
ОТ СИТУАЦИИ К ВЫСКАЗЫВАНИЮ
(отобразительная функция языка, иконизм)

Глава I. Проблемы ономазиологии	199
Глава II. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово)	205
Глава III. О соотношении языка и действительности	210
Глава IV. К диалектике семантических отношений в языке	224
Глава V. Высказывание и ситуация	243
Глава VI. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур)	264
Глава VII. К проблеме семантической синтагматики	272
Глава VIII. О моделях языкового синтеза	298
Глава IX. Типология лингвистических номинаций	310

ЧАСТЬ III
ВИДЫ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Глава I. Языковая вариативность в свете общей теории вариативности	367
Приложение Людическая функция языка как источник вариативности	371
Глава II. Общая типология форм языковых преобразований	374
Глава III. Транспозиции	382
1. Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе	382
2. Номинализация сказуемого и устранение субъекта	395
Глава IV. Актантные трансформации	409
1. Трансформации с актантами и соотношение между структурой высказывания и структурой ситуации	409
2. Использование лексических средств при синтаксических трансформациях	418
3. Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке	432
4. Номинация действия	446
Глава V. Лексико-семантические преобразования	453
1. К проблеме общих семантических законов	453
2. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания	466
3. Метафора: универсальное и специфическое	480
Приложение. Семантические основы парафазии в нормальной речи	498
Глава VI. Количественные преобразования	512
Семантическая экономия и избыточность как средство преодоления интерференции при переводе	512

ЧАСТЬ IV
ФАКТОРЫ И СФЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ЯЗЫКОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Глава I. Повторная номинация	524
1. Повторная номинация и ее стилистическое использование	524
2. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте	536
3. Повторная номинация на уровне предложения	545
Глава II. Прагматика и языковое варьирование	554
1. Прагматика, узус и грамматика речи	554
2. Сопоставительная прагматика	566
3. Человек в языке. Говорящий и пространство ситуации. Языковое поведение	578
Глава III. Варьирование номинаций в диахронии и синхронии	587
1. К эволюции способов речевой номинации. Древнерусский и современный русский язык	587
2. О сравнительной динамике исторического развития языков. Старофранцузский и современный французский языки	607
3. К проблеме сопоставительного типологического анализа речевого акта и текста	629
4. О прогрессе в языке	639
Глава IV. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста	645
1. Синтаксис эмоций и оценок	645
2. Нулевая степень письма	659
Глава V. Преобразования в лексико-семантических полях	662
1. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля)	662
2. Пространство вне пространства	670
3. Пространство времени	678
4. Речевые рефлексы с речевыми словами	685
Глава VI. Семантические преобразования этимонов	691
1. Этимолого-синтаксические поля в лексике	691
2. Понятие «рука» и его отражение в русском языке	701
3. Понятие «голова» и его отражение в русском языке	710
Глава VII. Общая реалья и разные языки	720
1. «Сноха» (по материалам Atlas linguarum Europae)	720
2. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами)	730
Глава VIII. Преобразования в свете литературного воздействия	745
1. Новаторство, заимствование, совпадение	745
2. Литературные варианты и особенности национальной культуры (Лафонтен и Крылов)	754

ПРЕДИСЛОВИЕ

Базовой единицей устройства и функционирования языка является отношение между элементом плана выражения и элементом плана содержания, то есть отношение номинации (референции). В процессе развития и функционирования языка постоянно происходят изменения в отношениях номинации. Реноминация (изменение соотносительности между элементами планов выражения и содержания) имеет место при переходе от одного языкового состояния или языка к другому: в историческом развитии языка, при переводе или сопоставлении языков, при литературном творчестве и формировании вариантов языка, социолектов и языковых стилей. Реноминация проявляется в двух основных аспектах: изменение означающего при сохранении означаемого (изменение отношений номинации, ономасиологический аспект) и изменение означаемого при сохранении означающего (изменение отношений референции, семасиологический аспект). Языковые преобразования — сердцевина развития и функционирования языка — подробно исследуются при изучении различных аспектов существования языка. Однако, несмотря на обилие ценных конкретных наблюдений, до сего времени нет опыта создания *общей типологии языковых преобразований*. Между тем, и в истории языка, и в литературном творчестве, и в переводе, — всюду, где речь идет о переходе от одного способа обозначения к другому, мы сталкиваемся с одними и теми же типами языковых преобразований, имеющими универсальный характер. Более того, в семасиологическом аспекте (изменение означаемого) и в ономасиологическом (изменение означающего) обнаруживаются аналогичные формы преобразований. Эти формы преобразований можно *логически исчислить*, можно, по-видимому, разработать общую их типологию, на фоне которой будет более наглядно проявляться универсальное и специфическое в языке. Общая типология языковых преобразований позволит дополнительно пролить свет на такие общие проблемы языкознания как причины изменений и вариативности в языке, соотношение между формами языка и формами мышления, соотношение между языком и действительностью, взаимодействие между разными уровнями языковой системы и др.

Итак, цель книги — попытаться восполнить пробел в лингвистической науке, изложить, с одной стороны, факторы и назначение языковых преобразований, с другой — представить опыт логического ис-

числения всех возможных преобразований и построения их типологии. В книге подвергается анализу *динамический аспект* языка. Материалом исследования являются факты прежде всего русского и французского языков с привлечением данных некоторых других.

Язык изучается в четырех аспектах: в его структуре и реализации, во времени и пространстве. В каждом из этих аспектов отмечаются одни и те же общие типы реноминации. Они обнаруживаются как в семасиологическом плане (изменение значений языковых единиц), так и в ономасиологическом (использование разных единиц для выражения одного и того же значения, для выполнения одной и той же функции). Преобразования отмечаются как внутри языка, так и при переходе от одного языка к другому (при заимствовании, при переводе).

Дидро приписывают фразу «Задача ученого состоит в том, чтобы видеть сходство, где простой ум [то есть человек, далекий от науки. — В. Г.] видит одно различие, и видеть различие в том, где простой ум видит одно лишь сходство». Одной из наших задач будет показать общее в самых разнообразных проявлениях языковых преобразований.

Помимо теоретической значимости разработка общей типологии языковых преобразований может иметь и практическое назначение для более полного описания и выявления процессов, происходящих в истории языка, в функционировании языка, упрочить основу для теории и практики перевода, лексикографии, стилистического анализа текста и т. п.

В главе I рассматриваются существенные для исследуемой проблемы некоторые общие вопросы лингвистической методологии так, как они ставятся в конце XX века. Основные разделы посвящены соответственно общим проблемам теории языковых преобразований, типологии языковых преобразований и сферам проявления и использования языковых преобразований. Во многих случаях рассуждения теоретического порядка иллюстрируются материалами особых глав, подробно описывающих конкретный языковой материал.

В книге использованы материалы некоторых прежних публикаций автора.

ЧАСТЬ I

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ
В КОНЦЕ XX ВЕКА**

ГЛАВА I

О ПЛЮРАЛИЗМЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ*

Конец XX века ознаменовался многочисленными попытками осмыслить состояние и методологию современной науки, ее достижения и перспективы, в том числе и в области языкознания. Проводились конференции на эту тему (например, «Лингвистика на исходе XX века», 1995), выпускались специальные труды («Язык и наука конца XX века». М., 1995). Подробно описываются различные теории и теоретические парадигмы, сменяющие друг друга. Но пожалуй, наиболее существенное отличие новых тенденций заключается не в системе конкретных понятий и подходов, используемых в той или иной теории, но в общих положениях, касающихся теории познания. Во всех разделах языкознания проявляется большое разнообразие мнений и теорий при истолковании одних и тех же фактов, при освещении одних и тех же объектов науки. Современная методология науки склонна видеть в этом плюрализме мнений не слабость науки и недостаток научных исследований, а их достоинство. «Продиферация теорий благотворна для науки, в то время как их единообразие ослабляет ее критическую силу» (Фейерабенд 1986, 142). И тот же автор подчеркивает: «В единстве мнений нуждается церковь, испуганные или корыстные жертвы некоторых [...] мифов либо слабовольные и добровольные последователи какого-либо тирана. Для объективного познания необходимо разнообразие мнений. И метод, поощряющий такое разнообразие, является единственным, совместимым с гуманистической позицией» (Там же, 179).

Аналогичную мысль высказал еще Дж. С. Милль, писавший: «Плюрализм мнений, воплощающий в себе свободу мышления, есть необходимое условие истины» (Mill 1909, 222). Догматическое научное образование, подчеркивал он, несовместимо с гуманистическим мировоззрением (цит. по: Карсавин 1987, 16).

Показательно, как изменилось в нашей стране отношение к научному плюрализму за какие-нибудь десять лет. И. Т. Карсавин в книге

* Впервые опубликовано в разных вариантах: *Филологические науки*, 1997, № 6; *О причинах различных теоретических толкований языковых фактов // Иностранные языки в школе*, 1986, № 2.

«Теория познания в плену анархии» резко критикует Фейерабенда, упрекая его в том, что он применил к науке получившую широкую известность методологическую максиму «все дозволено» (*anything does*) (Карсавин 1987, 20). Он обвиняет его в гносеологической анархии, говоря, что «тенденция к мировоззренческому плюрализму, к уравниванию между собой разных и даже противоположных идеологий, форм культуры очень характерна для буржуазной философии» (Там же, 7).

Однако, В. В. Ильин (Ильин 1994) различает в истории научной методологии 3 этапа: классический, неклассический (современный) и неонеклассический, формирующийся в наши дни и определяющий науку будущего.

Сущностно-отличительным признаком современной науки он считает «включенность субъективной деятельности в тело знания» (Ильин 1994, 64). Дифференциальные признаки различных этапов теории познания и эпистемологии он выводит из этого основного признака.

Классической науке была свойственна имперсональность (стремление избежать субъективных пристрастий), надличностные понятия и термины, абсолютизм, кумулятивизм.

Для неклассического периода характерен персонализм (признание личности как самотворящей стихии), отрицание монизма, допущение множественности субъективных потенциалов, самодеятельность познавателя, разрушающая модель зеркального копирования действительности. Широко утверждается идея дополнительности субъекта и объекта познания, восходящая к теории Бора. Если в классической науке единой и единственной сущности соответствовала единая и единственная истина (Там же, 70), то в неклассической различные ракурсы видения системы не сводятся к одному и единственному ракурсу, ибо сосредоточение на одном факторе делает невозможным одновременное изучение других. Современная наука придает особое значение полилогу взглядов на одну и ту же реальность. Помимо персонализма и плюрализма взглядов В. В. Ильин отмечает такие компоненты современной теории познания как вероятностный характер знания (абсолютная точность и строгость его недостижимы) и формирование интертеории, которая предполагает исходно плюралистическую, пролиферационную установку (теория разворачивается как пучок относительно самостоятельных моделей-описаний предметной области). При этом ставка делается не на конфронтацию, а на координацию подходов, которая обеспечивает объемное и объективное видение, в частности за счет перебора логически и фактически допустимых альтернатив (Там же, 85).

Неонеклассический подход ставит в центр научного творчества человека, в связи с чем важное значение приобретают креативизм, аксиология науки, телеономия (подчинение целесообразности).

В заключение (Там же, 122) автор выделяет следующие методы порождения теоретического знания:

— принцип терпимости (толерантность к продуктам научного творчества);

- принцип идиосинкразии к инакомыслию (признание многообразия взглядов нормальным, освобождение от теоретического фанатизма);
- принцип условности (относительность собственных результатов);
- принцип аполитичности (запрет на использование идеологии, мифологем, ориентации на общественные предрассудки);
- принцип инактивности (политическая абстиненция, объяснение, а не изменение мира);
- принцип гуманизма (человек — цель; общество — средство).

Из этих шести принципов первые три непосредственно касаются внутренней методологии науки. Последние три принципа имеют в виду социологическую роль науки и исследователя; они прямого отношения к нашим проблемам не имеют, и мы рассматривать их не будем.

Итак, в разнообразии научных мнений, в том числе и в сфере лингвистики, следует видеть не «анархию» в теории познания, не проявление субъективизма исследователей, но отражение свойств самых языковых фактов и явлений, а также отражение свойств человека-исследователя.

Причины плюрализма в лингвистике. Ниже мы подробнее рассмотрим причины различных теоретических истолкований языковых фактов.

В лингвистических трудах с теоретическим плюрализмом мы встречаемся на каждом шагу. Постоянно обнаруживаются расхождения в классификациях, в терминологическом обозначении понятий, в теоретическом объяснении одних и тех же языковых явлений. Одно и то же слово по-разному представлено в разных словарях. Даже самая скромная описательная «практическая» грамматика языка основывается на определенной лингвистической теории: номенклатура частей речи, грамматических категорий, используемая терминология представляют собой результат определенного теоретического осмысления языковых фактов — сравнения, классификации и других мыслительных процессов, составляющих сущность научного познания. И если мы порой не видим теории в «практических» грамматиках, то только в силу привычности понятий, образующих их основу. В связи с развитием общего и частного языкознания наблюдается появление все новых и новых теорий, касающихся тех или иных фактов языка. Иногда авторы двигаются в противоположном направлении. Вот характерный пример.

Традиционные французские грамматики определяли слова типа *mon*, *мой*, *ton*, *твой*, *ce*, *этот* и т. п. как местоименные прилагательные (*adjectifs pronominaux*), составляющие особую группу среди прилагательных, в последние десятилетия они стали исключаться из класса прилагательных и выделяться в особый функциональный класс — детерминативов. В русской грамматике слова *мой*, *твой*, *этот* и т. п. традиционно относились к местоимениям (см., например, «Грамматика русского языка», 1952, т. 1, 387), хотя и отмечались различия между местоимениями-прилагательными и местоимениями-существительными.

ми. В «Русской грамматике» — 80 (ч. 1, 542) эти слова под названием *местоименные прилагательные* отделены от местоимений как части речи и включены в класс прилагательных в качестве особой семантической группы наряду с качественными, относительными и порядковыми прилагательными.

Нередко лингвисты возвращаются к классификациям и определениям, от которых, казалось бы, уже отказались. Так, французская грамматическая традиция рассматривала форму *il ferait* как условное наклонение. Под влиянием работ Г. Гийома ее стали интерпретировать как особое предположительное (гипотетическое) будущее время в составе индикатива. Но снова появляются работы, выделяющие эту форму в особое косвенное наклонение — условное или потенциальное.

Плюрализм в лингвистике не только возможен, но и неизбежен.

Как и всякая другая наука, лингвистика преследует двоякую задачу: описание явлений, фактов языка и постижение сущности этих явлений, то есть определение их значимости, их положения в системе языка, их природы и закономерностей их функционирования. Изучая разнообразные формы проявления языковых фактов, наука стремится вскрыть их сущность, их внутреннее содержание. Но путь от «видимых» явлений к «невидимой» сущности непрост: исследователи сталкиваются здесь с рядом факторов, которые осложняют поиски научного решения, делают данное научное осмысление не единственно возможным.

Факторы, вызывающие к жизни плюрализм интерпретации, можно разбить на две группы:

— объективные факторы, касающиеся объекта исследования, или внутренние по отношению к объекту;

— субъективные факторы, касающиеся субъекта исследования, самого исследователя, внешние по отношению к объекту лингвистического анализа.

Среди *объективных* факторов можно отметить:

- 1) недискретность многих языковых явлений;
- 2) асимметрию, свойственную языковым знакам;
- 3) многоаспектность языковых явлений.

Недискретность языковых явлений обнаруживаются в частом отсутствии жестких разграничительных линий между ними, что создает объективные трудности для их различения и классификаций. Во многих случаях анализируемые языковые явления образуют своего рода спектр, где между отрезками четко различающихся цветов находятся переходные зоны, которые трудно приписать определенному цвету.

Факты языка формируют некоторый континуум — цепь постепенных переходов; крайние звенья этой цепи четко различаются между собой, но они связаны зоной постепенных переходов, где невозможно раз и навсегда провести разграничительные линии. Исходя из того

или иного фактора исследователи проводят эти линии по-разному, различным образом строят классификации внутри этого континуума, вследствие чего различно определяется природа одних и тех же фактов и формулируются разные теоретические решения.

Язык, как и другие явления действительности, может изучаться в четырех аспектах: во времени и в пространстве, в структуре и в функционировании.

Недискретный, континуальный характер языковых явлений, при котором между явными, четко различающимися элементами имеется промежуточный слой, в котором наблюдается постепенный переход от одного элемента к другому, может проявляться во всех отмеченных четырех аспектах.

Во временном аспекте континуальность проявляется наиболее наглядно в периодизации истории языка.

Языковое развитие идет непрерывно и при этом неравномерно: значительные изменения в сфере фонологии или бурное развитие словарного состава языка не обязательно сопровождаются столь же существенными сдвигами в грамматическом строе языка, и наоборот. В связи с этим возникают различные мнения по вопросу о периодизации истории языка, и нередко периоды определяются не только на основе фактов внутренней эволюции языкового строя, но в еще большей степени исходя из явлений внешней истории языка, которые оказывают влияние на функционирование языка, а через него и на развитие его строя. Так, начало периода старофранцузского языка одни авторы связывают с началом правления Карла Великого (768 г.), другие — с распадом империи Карла Великого и выделением французского государства (843 г.), третьи (А. Доза) — даже с воцарением династии Капетингов (987 г.). Любая из этих «точных» дат оказывается неточной: новый этап в развитии языка охватывает длительный отрезок времени, и любая привязка его к определенному историческому событию окажется условной. Но без подобных условных вех обойтись нельзя.

Континуум языковых фактов наблюдается и в пространственном аспекте, в связи с чем во многих случаях оказывается затруднительным проведение границ между диалектами, вариантами языка, выделение и классификация самих языков. Ввиду несовпадения изоглосс, при выделении и классификации диалектов, иногда и языков, в качестве идентифицирующего принимают какой-либо определенный признак, чаще всего фонетический. Естественно, что при обращении к иным признакам границы диалектов и их классификация будут определены иначе. Нередко и в этом случае оказываются решающими факты внешней лингвистики — государственные границы, наличие литературной формы языка и пр. Например, каталанский язык структурно близок к окситанскому (провансальскому), но они не только считаются разными языками, но причисляются к разным языковым группам (соответственно к иберо-романским и галло-роман-

ским), поскольку в течение веков первый находился в орбите испанского языка, второй — в сфере влияния французского.

Вообще романские языки четко различаются на уровне литературных форм: перелетев из Парижа в Лиссабон или в Рим, мы сразу чувствуем, что попадаем в сферу иного языка. Но на уровне сельских диалектов зона романских языков (Romania) похожа на ковер, в котором один цвет постепенно и незаметно переходит в другой. Если идти пешком по деревням, где сохранились диалектные особенности, то будет незаметно, как валлонский диалект Бельгии перейдет в пикардский во Франции, последний в нормандский, нормандский в западные и далее в юго-западные диалекты французского языка, затем наступит область гасконского диалекта, являющегося промежуточным между окситанским и испанским языком и, наконец, через испанские диалекты Арагона, Кастилии, Кантабрии и Астурии мы войдем в зону галисийского языка, который занимает промежуточное положение между испанским и португальским языками. Не случайно ученым, занимавшимся классификацией романских языков и диалектов, приходилось вводить специальные названия для таких промежуточных явлений в романских языках. Например, Асколи выделил франко-провансальский язык, объединяющий признаки французского и провансальского, Амадо Алонсо ввел понятие о языках-мостах (*lenguas-puentes*), занимающих промежуточное положение между испанским и окситанским (провансальским). Неясна и граница между диалектами во многих случаях. Так, между северно-французскими и южно-французскими диалектами диалектологи выделяют промежуточную зону (*le croissant* «полумесяц»), переходную между двумя ареалами. В силу пространственной недискретности определение самого числа романских языков дает основание для различных решений.

В аспекте *функционирования* можно отметить в первую очередь зыбкость границ между стилистическими уровнями (регистрами) речи. Последние также образуют континуум. Например, во французском языке между диалектами и литературным языком располагаются промежуточные формы: «офрануженный» диалект и региональный литературный язык. Таким образом, в языке образуется система из четырех уровней: литературный (кодифицированный) французский язык — региональный литературный язык — «офрануженный» диалект (*dialecte francisé*) — собственно диалект.

Во французском языке Канады исследователи обнаруживают семь разновидностей речи: французский литературный, франко-канадский, ориентированный на норму Франции, франко-канадский литературный, франко-канадский обиходный, франко-канадский фамильярный, франко-канадский простонародный, франко-канадское просторечие («жуаль»), причем трудно найти определенные черты, отличающие данную разновидность от соседней (*La norme linguistique* 1983, 685). Французское просторечие отличается весьма заметно от литера-

турной книжно-письменной речи, но между ними находится разговорная речь, объединяемая с ними многими разнообразными переходами. Нередко различия между регистрами носят только количественный характер, проявляясь в степени употребления определенных форм. Вот, например, процентное распределение разных типов вопросительных конструкций при выражении специального вопроса с переходным глаголом в разных регистрах французского языка:

Тип конструкции	Просторечие		Нормализованный язык	
	разговорный	книжный	разговорный	книжный
I. Только вопросительные слова:				
(1) в препозиции: Où tu vas? Où Jean va?	36	46	46	10
(2) в постпозиции: Tu vas où? Jean va où?	12	33	33	25
II. Вопросительные частицы:				
(3) <i>est-ce que</i> : Où est-ce que tu vas? Où est-ce que Jean va?	8	12	12	3
(4) <i>que</i> : Où qu'tu vas?	26	—	—	—
(5) <i>c'est que</i> : Où c'est qu'tu vas?	3	4	4	—
(6) <i>que c'est que</i> : Où que c'est que tu vas?	6	—	—	—
III. Инверсия:				
(7) <i>простая</i> : Où vas-tu?	—	3	3	47
(8) Où sont passés mes cigares?	9	2	2	12
(9) <i>сложная</i> : Où Jean va-t-il?	—	—	—	3

Специфическими являются конструкции 4, 6 для просторечия и 9 для книжной речи, отчасти — 7. Остальные примерно в равной мере охватывают соседние регистры: просторечие и разговорную речь (1, 3, 5), разговорную речь и книжную (2), наблюдается даже случай поляризации: конструкция 8 в большей степени свойственна просторечию и книжной речи, чем разговорной. (*Там же*, 677).

Еще более значительные колебания между уровнями речи наблюдаются в сфере лексики. Одно и то же слово разными словарями причисляется к разным социофункциональным разновидностям речи (арго, просторечие, разговорная речь, общеязыковая норма), границы между стилистическими регистрами оказываются расплывчатыми. Ввиду этого в последние десятилетия во Франции появились словари, представляющие стилистически сниженную лексику в целом, без деления на разговорную речь, просторечие, арго (*Caradec F. Dictionnaire du français argotique et populaire. P., 1977; Cellard J., Rey F. Dictionnaire du français non conventionnel. P., 1980*).

Недискретность в высшей степени свойственна и *структурному* аспекту языка. Языковые структуры образуют ряды, в которых лишь крайние элементы явным образом отличаются друг от друга, но эти элементы связаны промежуточными явлениями, так что нередко

трудно провести между ними четкие границы. Например, между одним словом, составляющим один член предложения (*читаю*) и двумя, образующими два члена предложения (*читаю книгу*), находится цепь промежуточных явлений: аналитическая морфологическая форма слова (*буду читать*), два слова, составляющие один аналитический член предложения (*хочу читать*), так что границы слова и члена предложения могут определяться по-разному. *Стану читать* и *начну читать* занимают место, по-видимому, между *буду читать* и *хочу читать*, причем приходится специально определять, почему *стану читать* нельзя рассматривать как аналитическую форму глагола, подобную *буду читать* (Виноградов, 570).

Прямое дополнение отличается от косвенного во французском языке пятью основными признаками, которые мы здесь перечислять не будем. Любая конструкция, имеющая все эти пять признаков, является прямопереходной, не обладающая ни одним из них — косвеннопереходной, или обстоятельственной. Но обнаруживаются случаи, когда конструкция обладает только признаком 1, или 1 и 2, или 1, 2 и 3, 1, 2, 3 и 4, 2, 3, 4 и 5 и т. п. В таком случае образуется континуум форм, внутри которого можно провести классификационные линии по-разному.

Это можно представить следующей таблицей:

Языковой элемент	Признаки					
	1	2	3	4	5	
A	+	+	+	+	+	промежуточные случаи
B	+	+	+	+	—	
C	+	+	+	—	—	
D	—	+	+	+	+	
E	+	—	—	—	—	
F	—	—	—	—	—	непрямое дополнение

Такое постепенное нарастание признаков имеет место при переходе от причастия к прилагательному, от пассивной конструкции к именному сказуемому и во многих других звеньях языковой системы. Приведем еще один пример, касающийся лексики.

Во французском языке в одном семантическом гнезде могут объединяться основы с историческими или живыми чередованиями звуков, свойственными этому языку (*cheval лошадь — chevaucher ехать верхом*), собственно французские основы и основы, заимствованные из латинского, других романских или греческого языка (*cheval — cavalerie кавалерия, équestre конный, hippique конный*). При наличии различных основ говорят о лексическом супплетивизме. Однако провести точную границу между чередованиями (вариантами одной основы) и супплетивизмом (разными основами) далеко не просто. Возьмем следующие пары со звуком «[a]» в одной из основ: (1) *nous savons — je sais* (*мы знаем — я знаю*); (2) *bas — baisser* (*низкий — понизить*); *clarté — clair*

(ясность — ясный); *amour* — *aimer* (любовь — любить); *marin* — *mer* (моряк — море); (3) *facteur* — *fait* (фактор — факт); (4) *taciturne* — *se taire* (молчаливый — молчать); (5) *aqueux* — *eau* (водянистый — вода); (6) *manuel* — *chirographaire* (ручной — рукописный).

В первом случае — несомненное чередование внутри глагольной основы, в последнем — несомненный супплетивизм: второе прилагательное восходит к греческому корню *chiro* — *рука*. В примерах (2) — (5) пары слов восходят к одному и тому же латинскому корню, но имеет место нарастание фонетических расхождений: в (2) — то же соотношение, что в (1), но в сфере словообразования. Соотношения типа (3) и (4) встречаются в ряде гнезд (*lacté* — *lait*, *pacifier* — *paix*), они обычно рассматриваются как супплетивизм, поскольку формы с *-act-* и *-ac-* заимствованы из латыни. Но если исходить только из происхождения слова, то следует видеть супплетивизм основ и в формах *clarté* и *amour*, поскольку они взяты соответственно из латинского и провансальского языков. Чисто исторический подход не согласуется с ситуацией внутри современного языка. Случай (5) относится к супплетивизму, поскольку латинская основа *aqu(a)*- стала неузнаваемой в *eau*. Таким образом, случаи (4), (3) и частично (2) ставят вопросы, так что если рассматривать факты в синхронном плане, то нельзя провести бесспорную границу между вариантами основы (чередованием) и двумя разными основами (супплетивизмом).

С аналогичной проблемой мы сталкиваемся и в русском языке, где фонетические чередования, свойственные русскому языку, пересекаются с чередованиями между русским и старославянским языками. Так же как и во французском языке, возникает вопрос о различии между собственно словообразованием и супплетивизмом, при котором некоторые элементы ряда оказываются заимствованными из другого языка (старославянского). Например, формы с полногласием и неполногласием могут рассматриваться как принадлежащие к одному и тому же или к разным словообразовательным гнездам.

Вторая причина сложностей теоретического осмысления языкового материала заключается в *асимметрии*, то есть в несоответствии плана выражения (форм) и плана содержания (значений). Подробнее проблема симметрии/асимметрии в языке будет рассмотрена в гл. III. Здесь же ограничимся некоторыми примерами: в простом времени (il) *mange* форма и содержание структурно параллельны, в сложном времени (il) *a mangé* форма состоит из двух элементов и имеет признаки словосочетания; возникает вопрос, действительно ли это сочетание является морфологической формой глагола или же объединением глагола и причастия. В последнем случае логически следует вывод об отсутствии такого глагольного времени в системе языка. Относительно простой формы подобного вопроса не возникает. Сравним семантически равнозначные формы лат. *amari* и франц. *être aimé* — *быть любимым*. Латинский глагол несомненно представляет собой морфологическую форму пассива. Во французском языке аналогичное значение

выражается сочетанием двух элементов, и сразу же возникает вопрос, является ли это сочетание морфологической формой или синтаксической перифразой; если это перифраза, то пассивного залога как морфологической формы в языке нет. Именно так решали данный вопрос некоторые французские лингвисты. Различие форм во многом определяет различную интерпретацию германского и романского будущего времени. Французское будущее время (*il fera* и английское (*he*) *will do* имеют примерно одинаковый диапазон значений. Французская глагольная форма является синтетической, это несомненно морфологическая форма глагола (хотя можно спорить относительно ее основного значения). Аналитический характер английской формы дает право рассматривать ее не как форму будущего времени, но как перифразу с модальным значением.

Любой случай асимметрии дает основания для множественности теоретических решений. С. Цвейг писал о Данте: «Божественность природы заключается для Данте в ее стройности. И поэтому он делает в своей “Комедии” невероятную, небывалую в поэзии попытку привести мир к одной схеме». Лингвисты тоже порой считают, что совершенство природы языка заключается в стройности и полагают исследование законченным, если удастся языковую стихию отобразить в виде определенной симметричной схемы, заполнить в ней «пустые клетки» и т. п. Однако язык представляет собой чрезвычайно «асимметричное» явление, ввиду асимметрии одно и то же языковое явление может получить несколько разных теоретических толкований, число которых, однако, всякий раз ограничивается природой данного конкретного объекта.

Например, в русском языке система глагольных времен обнаруживает асимметрию:

несоверш. вид	<i>читал</i>	<i>читаю</i>	<i>буду читать</i>
соверш. вид	<i>прочитал</i>	—	<i>прочитаю</i>

Форма *прочитаю* получила в науке тройную интерпретацию: 1) она рассматривается как будущее время, но при этом допускается асимметрия: два времени в одном виде, три в другом; в несовершенном виде обнаруживается «пустая клетка» — отсутствует настоящее время; 2) она рассматривается как форма настоящего-будущего; в этом случае асимметрия принимает форму многозначности: одна форма реализует два значения; 3) она рассматривается как реализация двух омонимов: формы настоящего и формы будущего времени. В этом случае пустая клетка схемы заполняется, но асимметрия сохраняется: различия в значениях не подкрепляются различиями форм.

Рассмотрим другой пример. Сравнивая пары *clou* — *clouer* и *billet* — *billeter* мы без труда выделяем в глаголах основу, равную существительному (*clou-*, *billet-*) и флексию инфинитива, символизирующую глагольную парадигму. Однако в глаголе *pianoter* при вычитании флексии *-er* остается основа *pianot-*, не совпадающая с исходным существительным (*piano*).

Как трактовать такой процесс словообразования? Здесь логически возможны три решения, и все они предлагались в науке. Можно считать *riapot-* словообразовательной основой, но при этом придется признать, что данное существительное имеет две формы основы: *riapo-* и *riapot-*, что нарушает симметричное соотношение формы и содержания. Можно считать *-t-* частью показателя инфинитива *-ter*, но отсюда вытекает, что у глагола 1 группы есть два варианта инфинитивной флексии: *-er* и *-ter*. И в этом случае одно и то же значение выражается в разных формах. Есть еще третье решение: считать, что *-t-* не принадлежит ни к основе, ни к аффиксу, но является особым элементом, вставляющимся в слово при его образовании, — интерфиксом. Но при этом придется признать, что в языке имеются формы, лишенные собственного значения, это тоже вид асимметрии.

Аналогичное явление рассматривалось в русском словообразовании. Наименования жителя типа: *волгоградец, лондонец, парижанин* являются морфологически прозрачными, симметрично сформированными. Они состоят из основы (*Волгоград, Париж*) и суффикса *-ец, -анин*. Однако в наименованиях *орл-овец, ялт-ин-ец, харьков-ч-анин* между основой и суффиксом появляется дополнительный элемент *-ов-, -ин-, -ч-*. Этот элемент в теории русского словообразования получал тройную интерпретацию:

— его присоединяют к основе, в связи с чем признается существование двух основ: краткой и расширенной: *ор(е)л-* и *орлов-*; последняя употребляется в производных словах: *орловский, орловец*. В этом случае признается асимметрия основы;

— его включают в суффикс, в связи с чем признается наличие двух форм суффикса — краткой и расширенной: *-ец* и *-овец, -инец; -анин* и *-чанин*. Асимметрия в этом случае усматривается у суффикса;

— его считают «вводным элементом», «интерфиксом»: *-ов-, -ин-, -ч-*, не принадлежащим ни к основе, ни к суффиксу, при таком решении носителем асимметрии является сам этот элемент.

Стремление видеть обязательно стройность в структуре языка побуждает ученых предлагать разные решения одних и тех же проблем. Во французском языке возникли две параллельные формы на базе инфинитива: *aimer + ai > aimeraï* и *aimer + (av)ais > aimerais*. Традиционная грамматика трактует их «несимметрично», относя первую к индикативу (будущее время), вторую — к условному наклонению (настоящее время этого наклонения). Г. Гийом представил временные формы французского языка в более симметричной схеме:

действие	время		
	прошедшее	настоящее	будущее
совершенное	chant-ai	chant-e	chanter-ai
совершаемое	chant-ais		chanter-ais

Согласно этой концепции, *chanterais* включается в индикатив в качестве одного из будущих времен. При этом устанавливается (правда,

только для 1–3 лиц глаголов I группы) симметрия форм и значений: основа *chant-* выражает настоящее время и прошедшее, основа *chanter-* — будущее, морфема *-ai* — совершенное действие, морфема *-ais* — совершаемое.

Другой французский лингвист, А. Ивон, дал тоже вполне симметричную, но совсем иную интерпретацию французских глагольных форм, которая становится особенно наглядной, если взять форму I л. множ. числа.

Ее можно представить следующей схемой:

время	наклонение	
	индикатив - \emptyset	предположительное - <i>er</i>
настоящее - \emptyset	chantons (chant- \emptyset - \emptyset -ons)	chanterons (chant-er- \emptyset -ons)
прошедшее - <i>i</i>	chantions (chant-i-ons)	chanterions (chant-er-i-ons)

Устанавливается симметрия форм и значений: морфеме *-i-* приписывается значение прошедшего времени, морфеме *-er-* — значение предположительного наклонения (*le suppositif*). Значения настоящего времени индикатива немаркированы (знак \emptyset). Традиционное будущее время переносится из индикатива вместе с *conditionnel* в особое предположительное наклонение, а сама форма *conditionnel* считается формой прошедшего времени, а не будущего, как в теории Гийома. Пример ясно показывает, как ориентация на стройность языковой системы и установление полной симметрии форм и значений может привести к совершенно различной теоретической интерпретации одних и тех же фактов.

Полиаспектность объекта — третье обстоятельство, обуславливающее разнообразие теоретических решений, — состоит в том, что сам исследуемый объект имеет множество граней, связей, проявлений. Любой научный анализ является углублением нашего представления об объекте, но вместе с тем и абстрагированием от некоторых его свойств. В процессе научного познания делается упор на определенную грань объекта, что позволяет углубленно изучить данный аспект явления, но вместе с тем делает возможными различные решения. Многие расхождения в интерпретации языковых явлений, о которых шла речь выше, определяются тем, что само явление многосторонне. Так, местоименные прилагательные совмещают формальные грамматические признаки прилагательных и семантические признаки местоимений, что позволяет их классифицировать по-разному. Будущее время выражает действие проблематичное, которое еще не совершилось. Вследствие этого оно несет в себе определенную модальную окраску. Это заставляет видеть в форме будущего времени то временную форму индикатива, то предположительное наклонение.